

А. АХМАТОВА, ПУШКИН И ЦАРСКОЕ СЕЛО

Г.П. Козубовская (Барнаул)

Царское Село - пространственный локус, где пересеклись судьбы русских поэтов. Царскосельский миф - единый текст, сопрягающий биографии и поэтическое творчество Г. Державина, А. Пушкина, И. Анненского, Н. Гумилева, А. Ахматовой и др.

Присутствие Пушкина в поэзии Ахматовой двояко: как персонифицированный образ “смуглого отрока” и как цитата, отсылающая к пушкинским поэтическим строкам. Царское Село также двояко входит в поэтический мир Ахматовой: с одной стороны, Царское Село - это тема, фон и объект, с другой - “затекстовая реалья” (рядом с датой написания - именное пространство). Функция затекстовых реалий сводится к следующему: они - знаки царскосельского мифа в поэтическом тексте и способ создания автобиографического подтекста. Так, любовный роман “Белой стае” (комментаторы связывают его с именем Н.В. Недоброго) осуществляется в пространстве оппозиции север/юг - Петербург, Царское Село и Бахчисарай, причем локусы взаимодействуют как текст и подтекст: упоминание об одном из них в самом тексте неизменно сопровождается рифмой в затекстовом пространстве. Так реализуется размыкание литературного текста в текст культуры. Именование пространства - знак одновременного прерывания в двух реальностях, одной из которых является песенная. Соединение точной даты (как известно, Ахматова не любила и не помнила дат) и пространственного локуса - способ воздействия на ассоциативную память читателя. Так, стихотворения “Заплаканная Осень как вдова...” и “Все души милых на высоких звездах” имеют по два опознавательных знака, расположенных рядом - после основного текста. Дата - год смерти Н. Гумилева, локус - знак отсылки к поэтическому тексту (“претексту”) о первой встрече будущих поэтов (“В ремешках пенал и книги были...”, 1912, где роль плакальщицы предсказана самой Ахматовой). Таким образом обозначился поминальный характер “несобранного” цикла (впервые напечатано как цикл в издании, подготовленном А. Кралиным. Ахматова А. Соч.: В 2 Т. М., 1996).

Биография Ахматовой и героини ее поэзии связана с Царским Селом и Пушкиным. Царское Село прежде всего ассоциируется с “языческим детством”, с “лугом Персефоны”, с потерянными раем. В автобиографической прозе это историческое пространство постпушкинской эпохи, 90-е годы, когда в гуляющей толпе узнаются внучки пушкинских красавиц. Проза - подтекст поэзии, детские впечатления оформились в обобщение: конец XIX века осмыслен как похороны пушкинской эпохи. В поэзии - пространство, просветленное присутствием Пушкина, причем Пушкина-ребенка, “смуглого отрока”. Царское Село прочно увязано в мире Ахматовой только с одним возрастом Пушкина - с детством. Другого Пушкина она “отдаст” своим литературоведческим штудиям, в поэзии будет избегать “взрослого” Пушкина, словно оберегая его от боли и отводя предсказанную гадалками беду.

Образ Пушкина в ранней лирике Ахматовой цитатен. “Аллеи”, “озерные берега” - пейзаж-декорация в цикле “В Царском Селе” - генетически связаны с двумя пушкинскими мифологемами: “сады лица” и “берег”, таящими сюжет в самоопределении поэта. Антропоцентризм элегической культуры школы гармонической точности, выраженный у Пушкина в метафорике цветения - мифологическом комплексе человек-растение (“В те дни, когда в садах лица я безмятежно расцветал”), трансформируется у Ахматовой в символике и метаморфозах розы (“Одичавшие розы шиповником стали”). “Берег” - мифологема жизни и смерти, сопрягающая любовь и творчество. “Берег” - обязательный элемент петербургского текста, он значим и для Ахматовой (“Вот и берег северного моря, вот граница наших бед и слав...”) Ахматовский текст о смуглом отроке - своеобразное продолжение пушкинского. Усвоив от акмеизма, принцип цитатности, Ахматова создает поэтический мир, в который органично входит Пушкин. Эффект присутствия-отсутствия, возникающий в миниатюре, проясняет метод Ахматовой: ее поэтические строчки напоминают пушкинские рисунки на полях его рукописей - своеобразное продолжение мысли в графике. Ахматова как бы дописывает, прорисовывает, додумывает “чужой текст”.

Образ смуглого отрока возникает у Ахматовой на стыке природы и культуры. “Книга” неизменно сопровождает появление Пушкина: это и томик Парни, и Апулей, упоминаемый в отрывках - замысле поэмы “Русский Триаон”. “Природность” и “культура” - знаки определенного отношения к миру человека, еще не обретшего в нем социальной роли, не ощущающего зависимости от этого мира. “Детское” как “природное”, “естественное”, “непосредственное”, по Ахматовой, - обязательная черта гения, не случайно, “детством” очерчен круг самых дорогих вещей: “Но лишь предвенчатых роз простая красота, та, что всегда была моей отрадой в детстве, осталась и досель единственным наследством, как звуки Моцарта...” (1, 350). Аналогия Пушкин-Моцарт естественна для культурного сознания двух эпох (Моцарт - чудоребенок).

Пушкинский миф, поэтически воссозданный им в “Тавриде”, о тенях-душах, посещающих здешний мир после смерти, “опрокинут” в ахматовский текст, развернут в нем (это ожившие статуи, тень поэта, склонившегося над Апулеем и т.д.).

Ощущение культуры как единого текста основано у Ахматовой на убеждении, что “царскосельский воздух был создан, чтобы песни повторять” (1, 215). Но Царское Село существует в поэзии Ахматовой как преодоление текста. Возвращение в Царское Село мотив, существующий в пушкинской поэзии на уровне возвращения к теме (“Воспоминание в Царском Селе”). У Ахматовой этот мотив становится символическим, обобщающим, отмечающим отдельные этапы жизни. В “Первом возвращении” внешний мир осмыслен в категориях творчества, закодирован в системе текста: “Как навсегда исчерпанная тема в смертельном сне покоится дворец” (1, 22). Пространственный локус обозначен как маргинальный, призрачный. Внешний мир - знак немоты и всеобщего омертвления. Ситуация возвращения в дальнейшем будет смыкаться с

библейской - "возвращение блудного сына": "Тот город, мной любимый с детства, в его декабрьской тишине моим промотанным наследством сегодня показался мне" (1, 175). Тема наследства - ключевая в лирике Ахматовой, она смыкается с темой нищеты как условия бытия в здешнем мире, с одной стороны, с темой неизбежных утрат и памяти сердца, с другой. "Царскосельские строки", выдержанные в торжественной интонации плача, перерастают в "Царскосельскую оду", в которой варьируется мотив опустошения души и, следовательно, испорченности темы. "Царскосельская ода" полемична в жанровом отношении: это антиода по форме. Сохраняя основной пафос жанра - восхваление, ахматовская ода намеренно снижает, прозаизирует мир Царского Села: не летняя резиденция царей, праздничный мир, а окраина, лишённая цвета, красоты, поэзии, мир, отданный во власть военных. Исчерпаемость темы - сюжетный ход, к которому несколько раз прибегает Ахматова: "царскосельскую одурь прячу в ящик пустой" (1, 249), ожидание видения Петербурга, прорывающееся в цвете, в упоминании дощатого забора - предельном выражении серой жизни (это уже Чехов). "Одическое" здесь в специфике метода, генезис которого Ахматова выводит из Шагала: соединение призрачности с будничностью. Принципиальна установка на создание "антимосковского" текста: парадиз Петербурга - Царское Село в конце 90-х гг. - город, хранящий память об истории, взятой под углом "изначального видения", город, знавший о тайнах царского двора. Эпиграф из Гумилева отзовется в самой оде: забор символически осмыслен как своеобразная граница миров - здешнего и потустороннего. Эпиграф создает подтекст в известном смысле, будучи продолженным в начальных строках оды ("кипарисовый ларец", "шкатулка с тройным дном" - вариации "вещного образа памяти у Ахматовой). "Исчерпанность темы" приобретает здесь другой смысл: тема становится запретной, символическим выражением чего в тексте и становится забор - тупик, а вся ода прочитывается как остановленный сон.

В "Наследнице" (1959) завершенность темы заключается в слове, остающемся за текстом, - в подтексте. "Преодоление текста" начинается с аналогии песня-жизнь, спетой песне должна соответствовать завершающаяся жизнь, жизнь вступает в противоречие с несказанным словом. Бытие героини вбирает в себя историю и культуру, прошлое и настоящее, своя судьба прочно вписана в общую историю. Тема наследства оказывается двузначной: наследница красоты, праздничной культуры, гениальности человечества, реализованной в дворцово-парковых ансамблях (вместо промотанного наследства - его обретение) и в то же время своей судьбы, запрограммированной городом Муз, призрачным парадизом. Судьбы, предначертанной русскому поэту.

Опубликовано: А.С.Пушкин и русская культура: тезисы международной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения/ СамПГУ, Сам ГУ, Самарская гос. академия культуры и искусства. Самара, 1999. С. 136-139.